

О РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ АРИСТОТЕЛЯ

Рассматривается коллизия между смысловой точностью и хорошим языком перевода и приводятся доводы в пользу правомерности и полезности более точных переводов, выходящих за рамки норм хорошего русского языка. К обсуждению этой проблемы привлекаются положения теории перевода и контрастивной лингвистики.

Современные читатели в большинстве случаев знакомятся с философией Аристотеля в переводах его сочинений на русский, английский, немецкий и другие языки. Нас в данной статье будут интересовать прежде всего русские переводы Аристотеля. Насколько они помогают или затрудняют понимание философии Аристотеля?

I

А.Ф. Лосев в предисловии к своему переводу XIII и XIV книг «Метафизики» Аристотеля пишет: «...Я хотел дать текст Аристотеля без всяких изменений, т.е. дать не пересказ, а именно перевод, максимально точный перевод Аристотеля, и в то же время *сделать его понятным*. Собственно говоря, это почти невыполнимо»¹. Имея в виду переводы сочинений Аристотеля на немецкий язык, он продолжает: «Кто изучал, например, перевод Боница (изданный Велльманом), тот, конечно, удивлялся, во-первых, необычайной точности этого перевода, а во-вторых, его чрезвычайной непонятности. И ведь это не кто иной, как Бониц, лучше которого, мне кажется, никто на свете не знал Аристотеля. Перевод его очень точный, но, по совести говоря, читать его иной раз почти невозможно. С другой стороны, возьмите перевод Лассона. Это – очень понятный перевод, данный не на каком ином, а на человеческом языке, так что читается он простым смертным все же без всяких сверхчеловеческих усилий. Но стоит сравнить несколько фраз этого перевода с греческим подлинником, чтобы сразу же найти всю разгадку этой понятности. Именно, – это вовсе не *перевод*, а *пересказ*»². О своем переводе А.Ф. Лосев пишет: «Прежде всего, я стараюсь, поскольку позволяет язык, передать точно фразу Аристотеля. Затем, когда это выполнено, я всячески стараюсь сделать ее максимально понятной. Для достижения такой понятности я широко пользуюсь *методом квадратных скобок*, как я его называю, т.е. начинаю вставлять пояснительные слова после каждого выражения, содержащего в себе какую-нибудь неясность или двусмысленность»³. *Метод квадратных скобок* имеет свои недостатки. А.Ф. Лосев, перечислив их, продолжает: «Получается не столько перевод, сколько искусственный препарат перевода. Но что же делать! Давать русскому читателю перевод вроде Боница – еще рано (это писалось в 1929 г. – Е.О.). Давать пересказ – тоже не хочется. Нужно уж примириться с этими небольшими неудобствами, тем более что если бы читатель обратился к самому подлиннику, то там его встретили бы трудности и неудобства (даже при хорошем знании языка), совершенно несравнимые с этими мелкими и внешними неудобствами; и он нашел бы еще худший “препарат”, но только без ясного его уразумения»⁴.

Однако у *метода квадратных скобок* появились противники. Так, Т.В. Васильева, имея в виду квадрат-

ные скобки в переводах сочинений Аристотеля, пишет: «Когда-то введенные из ложно понятой корректности, сегодня они явочным порядком превратились в прикрытие для откровенно волюнтаристических решений. Никаких квадратных скобок в переводе не должно быть: как бы ни хотелось что-то прибавить к греческому тексту в пояснение, как смысловую подпорку, место таким пояснениям в примечаниях»⁵. А.Ф. Лосев предложил *метод квадратных скобок* именно для смыслового пояснения текста Аристотеля, но со временем скобки стали использоваться и для другой цели, о которой Т.В. Васильева пишет следующее: «Что же касается ложно понятой корректности, то она загоняла в квадратные скобки все случаи лексической или синтаксической неконгруэнтности греческого и русского языков вплоть до вспомогательных глаголов...»⁶. В связи с этим она категорически заявляет, что «...все, что восстанавливается из греческого контекста по грамматическим нормам русского языка, в том числе далеко отстоящие пропущенные в контексте члены предложения, ни в каких скобках не нуждаются»⁷.

А.Ф. Лосев отмечает, что «Аристотель <...> до чрезвычайности сух своим языком, лапидарен, разбросан, фрагментарен, лаконичен»⁸. Т.В. Васильева, соглашаясь с тем, что «стиль Аристотеля даже в пределах древнегреческого языка предельно сжат, синтетичен и перегружен энтимемами...», настаивает на том, что «...язык Аристотеля точен и богат, переводческая скупость неизвинительна, над стилем переводов Аристотеля сегодня нужно работать интенсивнее, чем над языком русского Платона, чтобы читатель мог сказать, перефразируя А.Т. Твардовского: вот Аристотель, а все понятно, все на русском языке»⁹.

В англо-американском аристотелеведении в последние десятилетия имеет место скорее обратная тенденция, а именно, все больший интерес вызывают буквальные переводы, отходящие от стилистических норм английского языка, т.е. такие, которые на немецком языке появились еще в XIX в. (пер. Боница). М. Ферт, представляя читателям свой буквальный перевод VII–X книг «Метафизики», пишет: «Хороший английский перевод “Метафизики” уже существует, это перевод У.Д. Росса. Зачем тогда выдумывать что-то еще? А потому, что для некоторых целей хороший английский перевод – это не то, что нужно. Цель данного перевода четырех центральных книг – сделать доступным читателю как можно точнее и буквальнее то, что содержится в тексте Аристотеля, как мы его имеем. Перевод не может достичь этой цели и в то же время быть сделанным на хорошем английском языке...»¹⁰. Как и А.Ф. Лосев, М. Ферт отмечает, что переводчики для сохранения хорошего английского языка и «понятности» перевода часто прибегают фактически к пересказу, тем самым лишая читателя собственно аристо-

телевского текста. Как и А.Ф. Лосев, М. Ферт высказывается в пользу *метода квадратных скобок*: «...Где требуется какая-либо интерполяция (что бывает постоянно <...>), или когда что-либо очевидным образом предполагается, но не проговаривается, или когда требуется что-либо экзегетического характера, все добавленное берется в квадратные скобки. Результат не симпатичен, но в этом случае пригодность добавленного открыта для проверки и критики»¹¹.

М. Ферт, много лет занимаясь изучением «Метафизики» Аристотеля, делал для собственного употребления буквальные переводы некоторых наиболее «проблемных» фрагментов. На литературные достоинства этих переводов он не обращал внимания и считал их «варварскими». С некоторых пор он стал использовать эти переводы (постепенно охватившие целиком несколько книг «Метафизики») при работе со студентами. Студенты, судя по всему, копировали переводы для себя, а через некоторое время М. Ферт с удивлением узнал, что его переводы через «самиздат» распространились и по другим университетам США и Канады (любопытно, что американский автор использует русское слово *samizdat*)¹². Стало понятно, что *есть* «читательская аудитория», заинтересованная в таких переводах. Однако М. Ферт долгое время не решался опубликовать столь «варварский» перевод. В 1975 г. вышел из печати перевод «Второй аналитики» Аристотеля, выполненный Дж. Барнсом¹³, который отличался буквализмом, схожим с буквализмом фертовского перевода четырех книг «Метафизики». В конце концов, в 1985 г. М. Ферт решился издать и свой перевод. Предисловие к этому переводу он закончил следующими словами: «Этот опыт (опыт буквального перевода четырех книг «Метафизики». – Е.О.) заново открыл мне <...> как хорош перевод У.Д. Росса»¹⁴.

«Понятность» перевода, как, впрочем, и серьезного оригинального философского текста, имеет свои «уровни». При первом прочтении какого-либо философского текста у нас возникает одно «впечатление» и один «список» вопросов к автору, при втором – другое «впечатление» и другой «список» вопросов, при многократном прочтении – третье (известна фраза, написанная аль-Фараби на копии аристотелевского трактата «О душе»: «Я прочел этот трактат двести раз»¹⁵). При этом «понятности» и «непонятности» часто меняются местами. Подчас то, что осталось «непонятым» после первого прочтения, без особых усилий выясняется после второго прочтения. А то, что при первом прочтении казалось «понятым», становится «непонятым» при последующих чтениях. Главное – по мере углубления знакомства с работами Философа меняются сами вопросы к Философу. Если же кто-то станет читать Аристотеля на древнегреческом языке, то перед ним встанут совсем другие вопросы по сравнению с теми, которые встали бы перед ним при чтении того или иного перевода. Поскольку понимание текста на иностранном языке самым непосредственным образом связано с его переводом, то получается, что разные уровни понимания Философа вызывают потребность в разных переводах.

В практическом плане речь идет о переводах для первоначального знакомства с творчеством Аристотеля, т.е. для студентов (а также для всех, кто интересу-

ется философией Аристотеля «в первом приближении»), и о переводах для исследователей, для которых философия Аристотеля входит в область их научного интереса. В современном англо-американском аристотелеведении это, можно сказать, уже принятая практика. Есть «Оксфордские переводы», охватывающие весь Корпус Аристотеля и выполненные на хорошем английском языке (перевод У.Д. Росса «Метафизики» Аристотеля, который упоминает М. Ферт, входит именно в эту серию). Есть издания «Первой и второй аналитик», «Физики» и «Метафизики» на древнегреческом языке с подробными и фундаментальными комментариями У.Д. Росса. И есть, наконец, «Аристотелевская серия “Кларендон”» (*Clarendon Aristotle Series*; эта серия также издается в Оксфорде; перевод Дж. Барнса «Второй аналитики», который побудил М. Ферта издать и свой перевод, издан в этой серии).

«Оксфордские переводы» предназначены для тех, кто хотел бы познакомиться с философией Аристотеля «в первом приближении». Собственно, для аристотелеведов предназначены прежде всего издания основных трактатов Аристотеля на греческом языке с комментариями У.Д. Росса. На сегодняшний день можно сказать, что современное аристотелеведение начинается именно с этих комментариев. Но есть еще одна категория «заинтересованных читателей». Это специалисты по истории философии, логике и методологии науки, этике и другим философским специальностям (и не только философским), которые, не будучи профессиональными аристотелеведами и не владея древнегреческим языком, хотели бы всерьез познакомиться с теми или иными работами Аристотеля. Вот для них и предназначена «Аристотелевская серия “Кларендон”». Издания этой серии содержат как перевод той или иной работы Аристотеля (более точный по сравнению с «Оксфордскими переводами»), так и более подробные комментарии к этой работе. Эти комментарии, отталкиваясь, как правило, от комментариев У.Д. Росса (в чем-то соглашаясь, а в чем-то не соглашаясь с последними), содержат очень много новой информации, они вводят читателя во множество современных дискуссий, связанных с философией Аристотеля.

Т.В. Васильева пишет: «На повестке дня отечественного аристотелеведения – новое издание полного собрания сочинений Аристотеля на русском языке. Начатое вслед за платоновским собранием в конце 60-х гг. прошлого века, в отличие от него, через двадцать лет после выхода трехтомника в четырех книгах все-таки завершено, аристотелевский четырехтомник так и не получил исправленного переиздания, куда были бы включены все существующие на сей день переводы в порядке их расположения в корпусе, с единой беккеровской пагинацией, возможно, и с привлечением новых переводов недостающих до академической полноты издания текстов. Такое издание, разумеется, потребует новой единой редактуры переводов»¹⁶. Насколько мы понимаем, речь идет об издании обновленного многотомника Аристотеля, который бы содержал русские переводы, по своему характеру аналогичные «Оксфордским переводам». Мы согласны с тем, что новое издание полного собрания сочинений Аристотеля крайне желательно. Прежде всего для того, чтобы наконец-то собрать вместе

«все существующие на сей день переводы в порядке их расположения в корпусе»; не менее важно, чтобы это издание было сделано «с единой беккеровской пагинацией». Ибо сегодня «добраться» до всех сочинений Аристотеля, уже переведенных на русский язык, «проблемно» даже для аристотелеведов. Вместе с тем, мы считаем, что всех проблем «русского Аристотеля» такое издание не решит. Нам нужно думать и о более точных переводах. При этом надо сразу отдавать себе отчет в том, что такие переводы могут оказаться излишне «сложными» и «неудобочитаемыми» для широкой читательской аудитории, но «более понятными» для исследователей (и не только аристотелеведов). Переводы для исследователей предполагают подробнейшие комментарии. В изданиях «Аристотелевской серии “Кларендон”» комментарии по своему «объему» занимают места не меньше, а подчас больше, чем сам текст Аристотеля.

II

Почему у философов появляется потребность в буквальных переводах? Попробуем поискать ответ на этот вопрос в «теории перевода». А.Д. Швейцер, специалист по «теории перевода», учитывает три уровня эквивалентности перевода: 1) синтаксический, 2) семантический (компонентный и референциальный), 3) прагматический¹⁷. Он считает, что «прагматический уровень занимает высшее место в иерархии уровней эквивалентности». Он пишет: «В этой иерархии существует следующая закономерность: каждый уровень эквивалентности предполагает наличие эквивалентности на всех более высоких уровнях. Так, эквивалентность на синтаксическом уровне предполагает эквивалентность на семантическом (компонентном и референциальном) и прагматическом уровнях. <...> Обратной зависимости здесь не существует. Компонентная эквивалентность может существовать без синтаксической, референциальная – без компонентной. Наконец, прагматическая эквивалентность может существовать без семантической и, разумеется, без синтаксической»¹⁸. И далее: «...В свете описанной выше иерархической модели уровней эквивалентности можно высказать предположение о том, что существует определенная (хотя, разумеется, не жесткая) корреляция между тремя уровнями модели эквивалентности и основными этапами процесса выработки переводческого решения. <...> Процесс отбора варианта является постепенным восхождением от низших уровней эквивалентности к высшим. Иначе говоря, этот процесс представляет собой серию трансформаций, в ходе которых переводчик может отказаться от эквивалентности на более низком уровне во имя эквивалентности на более высоком»¹⁹.

Обратим внимание, предположение А.Д. Швейцера об основных этапах перевода соответствует словам А.Ф. Лосева, которые мы уже приводили: «Прежде всего, я стараюсь, поскольку позволяет язык, передать точно фразу Аристотеля. Затем, когда это выполнено, я всячески стараюсь сделать ее максимально понятной. Для достижения такой понятности я широко пользуюсь методом квадратных скобок...»²⁰. Стремление «сделать ее (т.е. фразу Аристотеля. – Е.О.) максимально понятной» относится к прагматической функции пере-

вода. Однако перевод А.Ф. Лосева не предполагает отказа от низших уровней эквивалентности ради высшей (прагматической) эквивалентности. Разумеется, такой перевод не всегда возможен, применимость его ограничена. Книга А.Д. Швейцера «Теория перевода» посвящена *общей теории* перевода. Философский перевод имеет свои особенности и требует особой *частной теории*. Если при переводе художественного, общественно-политического и некоторых других типов текстов отказ от семантической эквивалентности в пользу прагматической правомерен, то при философском переводе такой отказ «чреват проблемами».

А.Д. Швейцер понимает «перевод» как «...однаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (“переводческому”) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде»²¹. То есть перевод включает в себя две фазы: интерпретацию оригинального текста (целенаправленный анализ первичного текста) и создание собственно перевода (метатекста). Для философии очень важна первая фаза: интерпретация оригинального текста.

Буквальный перевод в философии – это не «перевод» в буквальном значении этого слова, а некоторый «полуфабрикат», продукт интерпретации оригинального текста; той интерпретации, которая предшествует собственно переводу, или же, точнее, второй фазе перевода – созданию вторичного текста (А.Д. Швейцер называет буквальный перевод «недотрансформированным»²²). В философии интерпретация оригинального текста может представлять интерес не только для переводчика, но и для всех тех, кто бы хотел всерьез познакомиться с произведениями того или иного философа. Переводы на хорошем русском, английском и других языках, понятные широкому кругу читателей, подчас не удовлетворяют этому интересу. Поэтому буквальные переводы пользуются «спросом».

III

В качестве примера «интерпретации текста» мы попробуем «истолковать» (лишь отчасти) псевдо-аристотелевскую работу «О Ксенофоне, Зеноне и Горгии» (*De Xen.*)²³. Предполагается, что эта работа, как и ряд других работ, которые по сей день включаются в Корпус Аристотеля в составе сборника «Малые работы» (лат. – *Opera minora*; англ. – *Minor Works*), написана кем-то из окружения или последователей Аристотеля. В оригинале это сочинение названо «О Ксенофоне, Зеноне и Горгии». Комментаторы же полагают, что на самом деле речь в нем идет о Мелиссе, Ксенофоне и Горгии, поэтому английский перевод так и называется: *On Melissus, Xenophanes and Gorgias*, хотя латинским названием остается: *De Xenophane, de Zenone, de Gorgia*. Полного русского перевода *De Xen.* пока нет, но первые четыре главы (всего в работе пять глав), посвященные, как считают комментаторы, Мелиссу и Ксенофану, переведены А.В. Лебедевым для сборника «Фрагменты ранних греческих философов: Часть I»²⁴. Пятая глава *De Xen.*, посвященная Горгию, остается не переведенной. Однако, по свидетельству А. Маковель-

ского, извлечение из Горгия, подобное *De Xen.* V, находится в сочинении Секста Эмпирика «Против ученых» (кн. VII, 65–87)²⁵. Этот фрагмент Секста Эмпирика переведен на русский язык А. Маковельским²⁶ и А.Ф. Лосевым²⁷. Отметим, что хотя два указанных извлечения и повторяют содержание друг друга, текстуально все же различаются. Далее мы будем иметь в виду только первые четыре главы *De Xen.*, т.е. главы, в которых Псевдо-Аристотель, по мнению комментаторов, приводит и обсуждает философские суждения Ксенофана (гл. III, IV) и Мелисса (гл. I, II).

Мы остановили свой выбор на этой работе потому, что среди работ, входящих в Корпус Аристотеля, она сравнительно проста, невелика по объему, и, главное, содержит философские суждения Ксенофана и некоторых других философов, стоявших у самых истоков становления философии. А философская речь (или же философский текст) с самого начала предполагала переход от общеупотребительного языка к специальному языку, к *техническому словоупотреблению*. Одним из первых в философский словарь попало слово «подобное, или же сходное» (*homoion*). В развитие этой абстракции заметный вклад внесли и геометры (мы в данном случае воздерживаемся от суждений по поводу первичности-вторичности философии и геометрии). Предположим, что нашей целью является истолкование «подобия» у ранних философов и Аристотеля.

Псевдо-Аристотель приводит в «положительном ключе» рассуждения (Мелисса) о том, что «все вечное – единое», а «единое – везде подобно» в *De Xen.* 1, 974a11-14, и полемически анализирует их в *De Xen.* 2, 976a11-b12; рассуждения (Ксенофана) о том, что «если Бог един, он всюду подобный», а «повсюду подобное сущее шарообразно», в «положительном ключе» он приводит в *De Xen.* 3, 977a36-b2, а полемически анализирует в *De Xen.* 4, 978a3-15. У Аристотеля «подобное, или же сходное» (*homoion*) выступает в качестве одного из вариантов соотносительности «другого и того же». В этом случае получалось, что «подобие» указывает как минимум на два, т.е. на «многие», а не «единое». Однако в рассуждении *De Xen.* 1, 974a11-14 (Мелисса) «подобию» придается «иной смысл». Поэтому Псевдо-Аристотель сначала считает нужным выяснить, в «каком смысле» оппонент употребил имя «подобие», а затем указывает на определенные следствия принятия «подобия» в «таком смысле» (976a15-18): «Подобное другому подобно, так что было бы двумя или более многочисленным, а не единым, и не бесконечным. Однако, судя по всему, он говорит о подобии относительно себя, и [в этом смысле] говорит, что Все[ленная] сама подобна, [потому] что все подобно: вода, или земля, или что-то такое иное, если [оно есть]».

Псевдо-Аристотель, во-первых, отмечает, что «подобное» у Мелисса означает подобие не «другому», а «самому себе»; во-вторых, полагает, что из такого понимания «подобия» следует, что «подобное» (*homoion*) есть «подобочастное» (*homoimeres*), т.е. *гомеомерии*, в качестве которых называет воду, землю и т.п. Сам Аристотель определяется со «смыслами» «подобия» в *Met.* V 9, 1018a15-19 и X 3, 1054b3-13 (А.В. Кубицкий и М.И. Иткин переводят *homoion* как «сходное»)²⁸. Аристотель рассматривает «подобие» в ряду метакате-

горий (постпредикаментов): «иное (*allo*) и то же (или же иное и само)», «другое (*heteron*) и то же по числу», «различие», «несходное (или же неподобное) и сходное (или же подобное)», «неравное и равное», «противность», «различие рода», «другое и то же по виду», «другое и то же по роду» (а также «то же и не-то же») и т.д. Каждой из этих метакатегорий он задает «строгий смысл». Эти «смыслы» задаются в контексте построения онтологии. Что касается «подобочастного» (гомеомерий), то в ряд метакатегорий оно не входит. Аристотель обращается к «подобочастному» главным образом в трактатах физического (в том числе биологического) цикла. Специально гомеомериям посвящены главы *Met.* IV 10, 388a10-389a23 и 12, 389b23-390b22. Отметим, что, согласно самому Аристотелю, вода и земля являются не гомеомериями, а элементами, из которых образуются гомеомерии. Так что слова «[потому] что все подобно: вода, или земля, или что-то такое иное, если [оно есть]» остаются «на совести» Псевдо-Аристотеля.

А теперь давайте обратимся к русскому переводу *De Xen.* 1-4, выполненному А.В. Лебедевым²⁹. Сразу отметим, что мы ни в коем случае не собираемся критиковать этот перевод; мы не подвергаем сомнению квалификацию и добросовестность переводчика. С нашей точки зрения, речь идет о разном отношении к философскому переводу. Наша задача – показать эту разницу.

В *De Xen.* I 1, 974a12-14, где Псевдо-Аристотель «в положительном ключе» излагает рассуждение (Мелисса) о «подобии», А.В. Лебедев переводит *homoion* как «одинаково», а *anomoia* (т.е. «неподобно») – как «неодинаково [= “отлично от себя”]». А в *De Xen.* I 2, 976a11-b12, где Псевдо-Аристотель полемически анализирует это же рассуждение, А.В. Лебедев в первом полемическом рассуждении (976a11-21) переводит *homoion* как «подобное», а *homoimeres* (т.е. «подобочастное») – как «однородное», во втором (976a21-37) – *anomoia* (т.е. «неподобно») как «неоднородное» (976a22), в третьем (976a37-b12) – *homoion* – как «подобно [=однородно]» (976a38) и «подобно» (976b2).

В *De Xen.* 3, 977a36-b2, где Псевдо-Аристотель «в положительном ключе» излагает рассуждение (Ксенофана) о «подобии», А.В. Лебедев переводит *homoion* как «подобное». А в *De Xen.* 4, 978a3-15, где Псевдо-Аристотель полемически анализирует это рассуждение, А.В. Лебедев переводит *homoion* как «одинаковое» (978a7).

Сведем для наглядности эти переводы в таблицу.

<i>Homoion</i> – подобное	<i>Anomoion</i> – неподобное	<i>Homoimeres</i> – подобочастное
Переводы А.В. Лебедева		
Одинаковое	Неодинаковое	
Подобное	Неоднородное	Однородное
[=однородное]		

Понимать философский текст того или иного философа – значит понимать «смыслы», которые он «имеет в виду», употребляя то или иное слово или выражение философского языка. Иногда философ в явном виде сообщает о своем «понимании» того или иного слова. Так, в «Метафизике» Аристотеля есть V книга, которая представляет собой своего рода «философский словарь». Однако даже у Аристотеля, во-первых, далеко не

все слова и выражения его философского языка представлены в этом словарики, а во-вторых, по ходу исследования того или иного вопроса он нередко отходит от того, что содержится в *Met. V*. Большинство остальных философов вообще в явном виде не поясняют свой «философский словарь». Какую-то помощь читателю философского текста могут оказать философские словари, учебники и другая вторичная литература. Однако и вспомогательная литература никогда исчерпывающим образом не поможет. В конечном итоге читатель-исследователь может понять Философа только из текста самого Философа. Надо выявлять в исследуемом тексте случаи *технического словоупотребления* и по этим случаям пытаться понять соответствующие «смыслы». Так поступает и Псевдо-Аристотель, истолковывая понимание «подобия» у Мелисса с помощью суждений самого Мелисса. Сможет ли проделать нечто аналогичное исследователь без знания древнегреческого языка, читая перевод А.В. Лебедева? С нашей точки зрения, нет. Потому что он не сможет выявить случаи *технического словоупотребления* слова *homoion*, так как оно переведено в разных контекстах по-разному.

Чтобы читатель-исследователь мог «интерпретировать (философский) текст» по переводу без знания языка оригинального текста, надо переводить одно и то же философски значимое слово оригинального текста одним и тем же словом языка перевода. Такой перевод крайне желателен не только для «интерпретации текста» как специального методологически осмысленного исследования, но и просто для «понимания» философского текста (правда, при определенном понимании самого «понимания»).

Мы исходим, вслед за Аристотелем, из того, что всякой ступени познания предшествует некое предпознание (и, соответственно всякому пониманию, – некое пред-понимание). Человек, приступая к чтению философского текста, уже «осведомлен». Во-первых, он как минимум в какой-то мере знаком с естественным языком, на котором написан данный текст. Во-вторых, как правило, он имеет и философскую подготовку (в разной мере). Человек, читая философский текст, «узнает» философски уже знакомые ему слова и выражения, придавая им уже знакомые ему философские «смыслы», хотя эти «смыслы» могут и не соответствовать «смыслам» данного текста. Суть изучения философского текста, с нашей точки зрения, в том и состоит, чтобы, исходя из уже знакомых «смыслов», по ходу чтения выяснить «смыслы» данного текста, которые никак иначе не могут стать известными читателю-исследователю.

При чтении философского текста возможны следующие ситуации. Читатель может встретиться при чтении философского текста с незнакомыми ему словами и выражениями: неологизмами, иностранными заимствованиями. В этом случае предпознание не «подключается». Читатель может встретиться со словами и выражениями, знакомыми ему по общеупотребительному языку, но при этом ему не известно, на какие собственно «философские смыслы» призваны указывать эти слова и выражения общеупотребительного языка. В качестве примера мы бы привели перевод А.В. Лебедева пары *homoion–anomoion* как «одинаковое–неодинаковое». У

читателя, знакомого с древнегреческой философией (или же с философией вообще), при встрече с противопоставлением «одинаково–неодинаково» сразу появляется вопрос: что значит «одинаково–неодинаково»? Это значит «то же (т.е. тождественное) и другое», или «подобное и неподобное, или «сходное и несходное», или «равное и неравное», или же что-то иное? Все перечисленные философские имена указывают на вполне определенные «смыслы» (или «кусты смыслов»). А на какой «смысл» указывают имена «одинаковое–неодинаковое»? При чтении философского текста читатель может встретиться со словами и выражениями, которые в его «философском предпознании» указывали на иные «кусты смыслов». В этом случае он начинает движение «по ложному следу». В качестве примера можно привести перевод А.В. Лебедева пары *homoion–anomoion* как «однородное–неоднородное». Для читателей, знакомых с философией Аристотеля (и не только его), «однородное» известно как «то же по роду». В то же время «*homoion* (подобное)» и «то же по роду» в «философском смысле» (тем более аристотелевском) – совсем «не одно и то же». Во всех этих случаях предпознание или не помогает, или препятствует пониманию философского текста. Предпознание же должно помогать пониманию; более того, с нашей точки зрения, без него вообще не может быть полноценного понимания.

Разумеется, если при переводе иноязычного философского текста в русский философский языке обнаруживается отсутствие общепринятого философского имени для того или иного «философского смысла» иноязычного текста, то приходится вводить соответствующее имя в русский философский язык, т.е. вводить в философское *техническое словоупотребление* лексемы естественного языка (придавая им тем самым *неестественные* смыслы), неологизмы или иностранные заимствования. Весь вопрос в том, в каких случаях такие нововведения оправданны, а в каких – нет.

IV

Мы позволим себе напомнить некоторые общие положения языкознания, которые для лингвистов, вероятно, являются «прописными истинами», но для представителей «философского сообщества» могут представлять некоторый интерес. Во-первых, мы имеем в виду широко распространенные в современном языкознании дистинкции «язык и речь (или же текст)» и «значение и смысл». А.Д. Швейцер напоминает определение Л.С. Выготского: «Значение слова есть потенция, реализующаяся в живой речи в виде смысла», – и продолжает: «Смысл – это и есть актуализированное в речи значение языковой единицы»³⁰. Далее мы позволим себе довольно большую выдержку из книги А.Д. Швейцера: «Релевантность понятия “смысл” для изучения семантических аспектов перевода достаточно убедительно аргументируется З.Д. Львовской, которая справедливо указывает на то, что “значение – категория языковая, т.е. системная, поэтому значения единиц разных языков могут не совпадать по разным параметрам (содержательные характеристики, объем и место в системе)”, тогда как смысл – “категория коммуникативная, он не зависит от различий между языками и

может быть выражен различными языковыми средствами в разных языках». <...> Из сказанного следует, что языковые значения точно так же, как и соответствующие языковые формы, являются переменной величиной. Они <...> являются атрибутом данного конкретного языка <...>. Инвариантным в идеале остается именно смысл: смысл исходного текста, вкладываемый в него исходным отправителем; смысл, извлекаемый из этого текста анализирующим его переводчиком и, наконец, смысл вторичного текста, интерпретируемого конечным получателем»³¹.

Одно и то же имя (или глагол) в разных текстах или даже разных контекстах одного и того же текста может приобретать разный «смысл». Это дает переводчику-интерпретатору две возможности: или переводить одно и то же слово, приобретающее другой «смысл», по-другому, стараясь выразить этот «другой смысл» самим «именем» (т.е. его «значением»: набором *сем*, сопряженных с этим именем, его словообразованием и этимологией), или же переводить одно и то же имя одним и тем же именем в расчете на то, что читатель сам «вычитает» из текста соответствующие изменения «смысла». Разумеется, переводчик может помочь читателю в этом и своими примечаниями, и пояснениями *в квадратных скобках*. Главное, чтобы читателю было ясно, где он имеет дело с Философом (автором оригинального текста), а где – с переводчиком и комментатором (автором перевода). Можно назвать достоинства и недостатки обоих возможных «переводческих решений». Для «более точных переводов», с нашей точки зрения, предпочтителен последний вариант.

Во-вторых, если мы оставляем за словом только «значение», а «смысл» приписываем единицам речи, то мы рассматриваем «слово» как *лексему*, т.е. как единицу языка, а не как *слово*, т.е. не как единицу речи, или текста. Специалисты по «теории перевода» ведут речь о переводе именно «текста», а не «языка». Однако в языкознании помимо «теории перевода» есть еще одна отрасль научных исследований, получившая наименование «контрастивной лингвистики». В «фокусе сопоставительного анализа контрастивной лингвистики» могут оказываться разные аспекты языка, но так или иначе в ее предмет входит анализ соотношения отдельных лексических единиц, морфологических категорий и синтаксических конструкций в исходном языке и языке перевода. А.Д. Швейцер отмечает, что «вопрос о соотношении контрастивной лингвистики и теории перевода до сих пор продолжает оставаться предметом споров»³². Сам он считает, что это разные дисциплины, и в то же время отмечает, что «исследуя соотношение между функциональными единицами языка А и языка В, контрастивная лингвистика создает необходимый фундамент для построения теории перевода»³³. Правда, А.Д. Швейцер ведет здесь речь о «теории перевода», а не о практическом переводе того или иного текста. Более того, он подчеркивает, что в контрастивной лингвистике «сопоставления носят, как правило, статический характер и не преследуют цели нахождения переводческих эквивалентов»³⁴. Однако это его авторская точка зрения. Другие авторы, суждения которых он анализирует в своей книге, считают иначе. Да и сам он оговаривает свое суждение словами «как правило» (что значит «не всегда»).

Интерпретация оригинального философского текста, будучи первой фазой перевода (о переводе как двухфазном процессе у нас шла речь во второй части статьи), в то же время является «упражнением» именно по философской контрастивной лингвистике в рамках двух (и более) философских языков. «Перевод» философских имен (и глаголов) является, собственно, не переводом, а сопоставлением языковых единиц двух (и более) философских языков. «Интерпретация текста», по крайней мере философского, как первая фаза перевода и как «упражнение» по философской контрастивной лингвистике, будучи связанной с контекстами *технического словоупотребления* автора исходного текста, предполагает выход за рамки не только данных контекстов, но и всего текста и даже за рамки творчества данного Философа. Ибо интерпретация оригинального текста включает в себя (или, по крайней мере, учитывает) сопоставление философских языков.

Если специалисты по общей теории перевода широко используют дистинкцию «язык и текст», то в частной теории философского перевода следовало бы исходить из дистинкции «философский язык и философский текст». Язык, «включенный» в философские тексты, становится относительно самостоятельной подсистемой национального языка. Этот язык включает в себя не только «специальную терминологию». Помимо «философской лексики» он включает и некоторые синтаксические конструкции, используемые тем или иным автором для философски значимого «смыслоразличения», и некоторые элементы, изучаемые в рамках «лингвистики текста» (мы имеем в виду прежде всего лексические способы маркирования начала и конца текста, содержащего то или иное рассуждение философа, а также переходов между его внутренними подразделениями). Соответственно, и «контрастивная лингвистика», сопряженная с философским переводом, будет иметь свои особенности. Ибо сопоставляться будут не языки в целом, а именно их «философская» составляющая. Особая познавательная ситуация возникает в том случае, если при сопоставлении философских языков в одном из них обнаруживается отсутствие эквивалентной лексики для той или иной языковой единицы другого языка и приходится вводить в философское *техническое словоупотребление* лексемы естественного языка, превращая их, тем самым, в лексемы философского языка. В этом случае в рассмотрение будет включаться отчасти и естественный язык.

«Философское имя» призвано не столько выражать «смыслы», сколько содержать их или же указывать на «смыслы». «Смысл», как мы уже отметили, выражается речью, так или иначе «сопряженной» с этим именем. Однако из этого обстоятельства не следует, что Философ при каждом употреблении данного имени будет повторять соответствующую речь. В большинстве случаев Философ, пояснив ограниченное число раз «смысл» (в том числе «изменение смысла») имени, использует «имя» как «сокращение» для соответствующей единицы речи. Более того, речь включает в себя имена и глаголы, которые сами могут быть «сокращениями» определенных единиц речи; т.е. единицы философского языка, участвующие в образовании (конституировании) «смысла», сами могут содержать (или указывать на) «смыслы». Философ, полагая

«смыслы», конституирует определенную «иерархию смыслов», так или иначе совершая «восхождение от абстрактного к конкретному».

Философский перевод отличается и от художественного перевода, и от технического. Переводчик художественного текста, различая «значение и смысл», имеет дело со «значениями» языковых единиц общеупотребительного языка, а «смыслы» усматривает в художественном тексте. Переводчик философского текста, различая «значение и смысл», фактически различает «смыслы», содержащиеся в языковых единицах философского языка, *общие* для философского языка вообще и *свои* для данного автора, или *общие* для философского языка данного автора и *свои* для данного текста, или *общие* для философского языка данного текста и *свои* для данного контекста. Поэтому сопоставления языковых единиц в философской «контрастивной лингвистике» должны выполняться не на материалах общеупотребительного языка, а на материале «философского языка» (за исключением тех случаев, когда та или иная языковая единица естественного языка вводится в философский язык впервые). В частной теории философских переводов, вероятно, предпочтительней противопоставлять не «значение и смысл», а «смыслы *общие и свои*» (можно и так: «философские значения и смыслы»). При этом роль «значения» как набора *сем* языковой единицы национального общеупотребительного языка существенно понижается. «Общий смысл» на деле может оказаться не единым «смыслом», а целым «кустом смыслов» (применительно к которому уместно рассматривать и концепцию «семейных сходств»).

Мы уже цитировали слова А.Д. Швейцера: «...Языковые значения точно так же, как и соответствующие языковые формы, являются переменной величиной. Они <...> являются атрибутом данного конкретного языка <...>. Инвариантным в идеале остается именно смысл» (имеется в виду «смысл», выражаемый речью). Подчеркнем, что это было сказано применительно к общей теории перевода. Переводчик в данном случае стремится перевести именно «смысл», при этом он свободно обращается с языковыми средствами (в том числе лексикой) языка перевода, ибо лексика в данном случае – величина переменная. Не так в философском переводе. Ибо в философском тексте лексемы, употребляющиеся в речи, выражающей смысл, сами указывают на смыслы, из которых конституируется смысл речи. Если переводчик будет вольно относиться к философской лексике, то читатель его перевода так и не узнает, из каких собственно смыслов Философ образует данный смысл, а следовательно, читатель и не поймет данный смысл.

Сказанное во многом относится не только к философскому переводу, но и к «техническому переводу» вообще. Однако и здесь есть разница. Философская «терминология» более «авторская», чем в других науках. Более того, мы бы позволили себе сказать, что своего рода «смыслотворчество» играет в философии большую роль, чем в других науках. Все это откладывает свой отпечаток и на специфику философского перевода.

V

До сих пор мы вели речь о «философском языке» как языке «философского текста». Однако на самом

деле собственно «философский язык» является языком только части «философского текста», если под «философским текстом» иметь в виду все сочинение Философа целиком, а в случае Аристотеля и весь Корпус Аристотеля. В текстах Аристотеля наряду с философским используется и общеупотребительный греческий язык его времени (а также «языки» математики, физики, биологии, поэтики и т.д.). Одну и ту же «языковую единицу» в одном и том же «тексте» Аристотель может употреблять и «философски» и «не-философски». «Строгости» философского перевода уместно распространять только на «философский язык». Для перевода не-философского языка, присутствующего в том же философском тексте, они неуместны. Мы не думаем, что можно найти какие-либо формальные критерии для различения философского и не-философского словопотребления в том или ином тексте. Это дело интуиции читателя и переводчика. Однако очень важно не пропустить суждения, сделанные на «философском языке», там, где, казалось бы, идет рассуждение, далекое от философии. Такие «пропуски» существенно обедняют или даже искажают учение Философа.

Известен неуываемый интерес читателей к «Истории животных» Аристотеля. Б.А. Старостин в связи с этим пишет: «Эта вековая и тысячелетняя неустареваемость сама по себе свидетельствует о многом. Прежде всего о художественном стиле, который у Стагирита несколько суховат, но тема, видимо, настолько близка автору, что от сухости не остается и следа. Живость изложения отражает и более глубокие причины, в силу которых “История животных” сохраняла интерес читателей стольких эпох, цивилизаций и стран. К числу этих причин относится прежде всего удивительная способность Аристотеля к разностороннему восприятию мира и жизни, способность совмещать философский подход с подчеркнутым вниманием к малейшим деталям»³⁵. Мы бы хотели обратить внимание читателя на то, что «живость изложения» совмещается у Аристотеля с «философским подходом», т.е. и в «Истории животных» присутствует «философский язык», требующий к себе внимательного отношения. С нашей точки зрения, В.П. Карпов (автор единственного на сегодняшний день русского перевода «Истории животных») не всегда проявляет такое внимание. Так, в *Hist. An. I 1* аристотелевское противопоставление «того же и другого» (*tauta – hetera*) в одном случае он переводит как «одинаковые и различные» (486a14-16), в другом – как «сходство и различие» (486b22-487a1), в третьем случае он переводит «то же» как «то же» или как «тождественное» (486a21-23, 486b14-17). Получается, что он не различает у Аристотеля «различие» и соотношенность «того же и другого», «различие» и «подобие, или же сходство». Тем самым философский подход Аристотеля не просто «обедняется», а вообще «перечеркивается». Ибо перечисленные различия играют важнейшую роль в философии Аристотеля³⁶.

Когда А.Ф. Лосев говорит, что «Аристотель <...> до чрезвычайности сух своим языком, лапидарен, разбросан, фрагментарен, лаконичен», а Т.В. Васильева настаивает на том, что «язык Аристотеля точен и богат, переводческая скупость неизвинительна», с нашей точки зрения, разговор ведется о разных языках. Философ-

ский язык Аристотеля «сух, лаконичен» и требует в определенном смысле «переводческой скупости». Его естественный язык в этой «переводческой скупости» не нуждается. Вероятно, не будет ошибкой сказать, что у Аристотеля философского языка больше в «Метафизике» и «Органоне» и меньше, например, в сочинениях биологической и политической направленностей. А.Ф. Лосев говорит о переводе прежде всего «Метафизики», Т.В. Васильева – «Эвдемовой этики».

Вообще, надо помнить, что Корпус Аристотеля не исчерпывается «Органомом», «Метафизикой» и «Этикой». Аристотель оставил нам два стихотворения: пеан (Гимн Добродетели) и элегию (посвященную Евдему)³⁷, – ряд писем, адресованных Филиппу и Александру Македонским, а также Теофрасту³⁸. В сборник *Opera minora* входит, в частности, такое псевдоаристотелевское сочинение, как «Рассказы о диковинах», которое является образчиком особого жанра древнегреческой письменности³⁹. Все это образцы разных литературных жанров, каждый из которых предполагает свой стиль. Разумеется, это жанровое и стилистическое разнообразие требует соответствующего разнообразия переводческой практики.

Акцентируя внимание на важности работы над «философским языком» для «более точных» переводов сочинений Аристотеля, мы ни в коем случае не хотим преуменьшить значение работы над «стилем переводов Аристотеля» на «хороший русский язык». Т.В. Васильева справедливо отмечает, что «в Афинах этические проблемы традиционно ставились и рассматривались в жанрах художественной литературы – трагедии, комедии, лирике», а следовательно, уместно ставить вопрос о том, что «составитель “Эвдемовой этики” преследовал литературные задачи не в последнюю очередь». Нам представляется интересным и заслуживающим внимания призыв Т.В. Васильевой к «реабилитации художественного дарования Аристотеля». Она пишет, имея в виду перевод «Эвдемовой этики»: «...Задача перерастает из этической в литературную, Аристотель является нам новой гранью своего писательского таланта – как обладатель и пропагандист огромного словарного запаса греческих слов разнообразной стилистической окраски, семантического наполнения»⁴⁰. Со своей стороны мы бы хотели отметить следующее: во-первых, эти слова справедливы прежде всего по отношению к «не-философскому языку», присутствующему в Корпусе Аристотеля; во-вторых, не надо забывать, что Аристотель был не только «практикующим стилистом», но и «теоретиком стиля». При переводах сочи-

нений Аристотеля желательно учитывать его собственное отношение к «стилю».

Когда мы говорим об аристотелевском учении о «стиле», мы имеем в виду его учение о «лексисе» (*lexis* – стиль, словесное выражение). Аристотель пишет о «лексисе» в «Поэтике» (*Poet.*) и «Риторике» (*Rhet.*), противопоставляя «лексис» «логосу». Когда Т.В. Васильева пишет о том, что Аристотель – «обладатель и пропагандист огромного словарного запаса греческих слов разнообразной стилистической окраски, семантического наполнения», она пишет именно о *лексисе* аристотелевских сочинений⁴¹. В то же время в «Риторике» Аристотель в явном виде отдает предпочтение *мысли* перед *лексисом*. Так, в *Rhet.* III 1 он пишет (1404a8-12): «Сходно (перед этим речь шла о декламации. – *E.O.*) при всяком обучении словесное выражение (*tēs lexeōs*) имеет необходимость малую, ибо для выяснения чего-либо есть [конечно] разница, сказать так или этак, но все же [эта разница] не такая [большая], а все это – фантазия и относится к слушателю; поэтому геометрии так никто не обучает».

Вероятно, Аристотель мог бы сказать, что и философии «так» (т.е. акцентируя внимание на «литературных достоинствах» словесного выражения) никто не обучает. Сказав далее несколько слов о декламации и словесном выражении (*лексисе*), Аристотель с сожалением отмечает (1404a16-19): «Поэтому те, кто силен в этом (т.е. в словесном выражении. – *E.O.*), опять же добиваются побед, как и риторы, сильные в декламации; ведь написанные речи берут свое скорее словесным выражением, чем размышлением».

Поскольку философский текст связан именно с «размышлениями», в заключение отметим интересное для нашей темы замечание Аристотеля по поводу отношения «словесного выражения» и «размышлений», которое он делает в «Поэтике» в контексте теории эпоса (24, 1460b2-5): «Словесное же выражение надо обрабатывать в бездеятельных частях, (незамечательных. – *E.O.*) ни по нравам, ни по размышлениям; ибо слишком блестящее словесное выражение, опять же, затмевает нравы и размышления».

Это замечание Аристотеля подтверждает сказанное выше о том, что стремление придать переводу «литературные достоинства» более подобает переводу тех частей аристотелевских текстов, которые написаны «не-философским языком». Ибо «философский язык» употребляется Аристотелем для изъяснения именно «размышлений», которым «слишком блестящее словесное выражение» не подобает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лосев А.Ф. Критика платонизма у Аристотеля // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность / Сост. А.А. Тахо-Годи; Общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. С. 529.

² Ibid.

³ Ibid. С. 530.

⁴ Ibid.

⁵ Васильева Т.В. Предисловие к публикации // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 152.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Лосев А.Ф. Критика платонизма у Аристотеля... С. 528.

⁹ Васильева Т.В. Предисловие к публикации... С. 151–152.

¹⁰ Aristotle. *Metaphysics: Books VII–X* / Tr. by M. Furth. Indianapolis: HPC, 1985. P. v.

¹¹ Ibid. P. v-vi.

- ¹² Ibid. P. vi.
- ¹³ *Aristotle. Posterior Analytics* / Tr. with a Commentary by J. Barnes. Oxford: Clarendon Press, 1975 (2nd ed. 1994).
- ¹⁴ *Aristotle. Metaphysics: Books VII–X...* P. viii.
- ¹⁵ *Касымжанов А.Х.* Абу-Наср аль-Фараби. М.: Мысль, 1982. С. 10.
- ¹⁶ *Васильева Т.В.* Предисловие к публикации... С. 151. В данной цитате упоминается изд.: Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1975–1984.
- ¹⁷ *Швейцер А.Д.* Теория перевода. М.: Наука, 1988. С. 84–86.
- ¹⁸ Ibid. С. 85–86.
- ¹⁹ Ibid. С. 89.
- ²⁰ *Лосев А.Ф.* Критика платонизма у Аристотеля... С. 530.
- ²¹ *Швейцер А.Д.* Теория перевода... С. 75.
- ²² Ibid. С. 87.
- ²³ *Aristoteles. De Xenophane, de Zenone, de Gorgia* / Ed. I. Bekker // *Aristotelis opera*. Vol. 2. Berlin: Reimer, 1831 (repr. De Gruyter, 1960).
- ²⁴ *Фрагменты ранних греческих философов: Часть I* / Изд. подг. А.В. Лебедевым. М.: Наука, 1989.
- ²⁵ *Досократики V.* Софисты: Вып. 1 / Пер. и ком. А. Маковельского. Баку: Изд. НКП АзССР, 1940. С. 33.
- ²⁶ Ibid. С. 30–33.
- ²⁷ *Секст Эмпирик.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 73–77.
- ²⁸ *Аристотель.* Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934; *Аристотель.* Соч.: В 4 т. / Пер. М.И. Иткина. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
- ²⁹ *Фрагменты ранних греческих философов...* С. 160–163; 316–322.
- ³⁰ *Швейцер А.Д.* Теория перевода... С. 114–115. А.Д. Швейцер ссылается на кн.: Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 370.
- ³¹ Ibid. С. 115.
- ³² Ibid. С. 10.
- ³³ Ibid. С. 11.
- ³⁴ Ibid. С. 13.
- ³⁵ *Старостин Б.А.* Аристотелевская «История животных» как памятник естественно-научной и гуманитарной мысли // Аристотель. История животных / Пер. В.П. Карпова; Под ред. и прим. Б.А. Старостина М.: Изд. центр РГГУ, 1996. С. 7–8.
- ³⁶ *Орлов Е.В.* Аристотель об основаниях классификации // *Философия науки*. 2006. № 2. С. 3–31.
- ³⁷ *Пеан: Fragmentum* / Ed. by D.L. Page // *Poetae melici Graeci*. Oxford: Clarendon Press, 1962. Repr. 1967 (1st edn. corr.): 444. Fr. 1. Рус. пер. М.Л. Гаспарова // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 207; *Элегия: Fragmenta* / Ed. M.L. West // *Iambi et elegi Graeci*. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1972: 44–45. Fr. 672–673. Англ. пер. см. в кн.: *Jaeger W.* *Aristotle: Fundamentals of the History of His Development* / Tr. by R. Robinson. Oxford: Clarendon Press, 1948. P. 107.
- ³⁸ *Лосев А.Ф. Тахо-Годи А.А.* Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 1993. С. 271–273.
- ³⁹ *Аристотель.* Рассказы о диковинах / Пер., вступ. ст. и комм. Н.А. Поздняковой // *Вестник древней истории*. 1987. № 3. С. 236–252; № 4. С. 229–251.
- ⁴⁰ *Васильева Т.В.* Предисловие к публикации... С. 151.
- ⁴¹ Ibid.

Статья представлена научно-редакционным советом журнала, поступила в научную редакцию «Философские науки» 8 февраля 2006 г., принята к печати 15 февраля 2006 г.